

ПОЛНАЯ ХРЕСТОМАТИЯ

для начальной школы

4 класс

5-е издание,
исправленное и дополненное

#эксмодетство

Москва
2022

УДК 373.3:82
ББК 83.3я71
П51

Оформление серии *Е. Брынчик*

Рисунок на переплете *Е. Эльманович*

П51 **Полная** хрестоматия для начальной школы. 4 класс. — 5-е изд., испр. и доп. — Москва : Эксмо, 2022. — 384 с. — (Для школьников и учеников начальных классов).

ISBN 978-5-699-95538-1

Впервые для четвертого класса средней школы составлена хрестоматия, объединяющая основные программы по чтению, утвержденные Министерством образования и науки РФ.

В издании наиболее полно учтены интересы и возрастные потребности ученика начальной школы. В нее вошли сказки, произведения из золотого фонда современной детской литературы, русской и зарубежной классики. Наша хрестоматия поможет сформировать у ребенка интерес к чтению книг и расширить его кругозор.

Хрестоматия предназначена для самостоятельного чтения и для подготовки к урокам дома.

УДК 373.3:82
ББК 83.3я71

ISBN 978-5-699-95538-1

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Древнерусская
литература и устное
народное творчество

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

БОЙ НА КАЛИНОВОМ МОСТУ¹

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с царицею; детей у них не было. Стали они бога молить, чтоб создал им детище во младости на поглядение, а под старость на прокормление; помолились, легли спать и уснули крепким сном.

Во сне им привиделось, что недалеко от дворца есть тихий пруд, в том пруде златопёрый ёрш плавает, коли царица его скушает, сейчас может забеременеть. Просыпались царь с царицею, кликали к себе мамок и нянек, стали им рассказывать свой сон. Мамки и няньки так рассудили: что во сне привиделось, то и наяву может случиться.

Царь призвал рыбаков и строго наказал поймать ерша златопёрого.

На заре пришли рыбаки на тихий пруд, закинули сети, и, на их счастье, с первою ж тонею попался златопёрый ёрш. Вынули его, принесли во дворец; как увидела царица, не могла на

---

¹ Это один из вариантов сказки «Бой на Калиновом мосту». В сборнике Афанасьева он называется «Иван Быкович».

месте усидеть, скоро к рыбакам подбегала, за руки хватала, большой казной награждала; после позвала свою любимую кухарку и отдавала ей ерша золотопёрого с рук на руки.

— На, приготовь к обеду, да смотри, чтобы никто до него не дотронулся.

Кухарка вычистила ерша, вымыла и сварила, помои на двор выставила; по двору ходила корова, те помои выпила; рыбку съела царица, а посуду кухарка подлизала.

У царицы родился Иван-царевич, у кухарки — Иван, кухаркин сын, у коровы — Иван Быкович.

Стали ребятки расти не по дням, а по часам; как хорошее тесто на опаре поднимается, так и они вверх тянутся. Все три молодца на одно лицо удались, и признать нельзя было, кто из них дитя царское, кто — кухаркино и кто от коровы народился. Только по тому и различали их: как воротятся с гулянья, Иван-царевич просит белье переменить, кухаркин сын норовит съесть что-нибудь, а Иван Быкович прямо на отдых ложится. По десятому году пришли они к царю и говорят:

— Любезный наш батюшка! Сделай нам железную палку в пятьдесят пудов.

Царь приказал своим кузнецам сковать железную палку в пятьдесят пудов; те принялись за работу и в неделю сделали. Никто палки за один край приподнять не может, а Иван-царевич, да Иван, кухаркин сын, да Иван Быкович между пальцами её повёртывают, словно перо гусиное.

Вышли они на широкий царский двор.

— Ну, братцы, — говорит Иван-царевич, — давайте силу пробовать; кому быть большим братом.

— Ладно, — отвечал Иван Быкович, — бери палку и бей нас по плечам.

Иван-царевич взял железную палку, ударил Ивана, кухаркина сына, да Ивана Быковича по плечам и вбил того и другого по колена в землю. Иван, кухаркин сын, ударил — вбил Ивана-царевича да Ивана Быковича по самую грудь в землю; а Иван Быкович ударил — вбил обоих братьев по самую шею.

— Давайте, — говорит царевич, — ещё силу попытаем: станем бросать железную палку кверху; кто выше забросит — тот будет больший брат.

— Ну что ж, бросай ты!

Иван-царевич бросил — палка через четверть часа назад упала, Иван, кухаркин сын, бросил — палка через полчаса упала, а Иван Быкович бросил — только через час воротилась.

— Ну, Иван Быкович, будь ты больший брат.

После того пошли они гулять по саду и нашли громадный камень.

— Ишь какой камень! Нельзя ль его с места сдвинуть? — сказал Иван-царевич, упёрся в него руками, возился, возился — нет, не берёт сила.

Попробовал Иван, кухаркин сын, — камень чуть-чуть подвинулся. Говорит им Иван Быкович:

— Мелко же вы плаваете! Пойдите, я попробую.

Подошёл к камню да как двинет его ногою — камень ажно загудел, покатился на другую сторону сада и переломал много всяких деревьев. Под тем камнем подвал открылся, в подвале стоят три коня богатырских, по стенам висит сбруя ратная: есть на чём добрым молодцам разгуляться!

Тотчас побежали они к царю и стали проситься:

— Государь-батюшка! Благослови нас в чужие земли ехать, самим на людей посмотреть, себя в людях показать.

Царь их благословил, на дорогу казной наградил; они с царём простились, сели на богатых коней и в путь-дорогу пустились.

Ехали по долам, по горам, по зелёным лугам и приехали в дремучий лес; в том лесу стоит избушка на курячьих ножках, на бараньих рожках, когда надо — повёртывается.

— Избушка, избушка, повернись к нам передом, к лесу задом; нам в тебя лезти, хлеба-соли есть.

Избушка повернулась. Добрые молодцы входят в избушку — на печке лежит Баба-яга, костяная нога из угла в угол, нос в потолок.

— Фу-фу-фу! Прежде русского духу слыхом не слыхано, видом не видано; нынче русский дух на ложку садится, сам в рот катится.

— Эй, старуха, не бранись, слезь-ка с печки да на лавочку садись. Спроси: куда едем мы? Я добренько скажу.

Баба-яга слезла с печки, подходила к Ивану Быковичу близко, кланялась ему низко:

— Здравствуй, батюшка Иван Быкович! Куда едешь, куда путь держишь?

— Едем мы, бабушка, на реку Смородину, на Калиновый мост; слышал я, что там не одно чудо-юдо живет.

— Ай да Ванюша! За дело хватился; ведь они, злодеи, всех приполонили, всех разорили, ближние царства шаром покати.

Братья переночевали у Бабы-яги, поутру рано встали и отправились в путь-дорогу. Приезжают к реке Смородине; по всему берегу лежат кости человеческие, по колено будет навалено! Уви-

дали они избушку, вошли в неё — пустёхонька, и вздумали тут остановиться.

Пришло дело к вечеру. Говорит Иван Быкович:

— Братцы! Мы заехали в чужедальную сторону, надо жить нам с осторожкою; давайте по очереди на дозор ходить.

Кинули жеребий — доставалось первую ночь сторожить Ивану-царевичу, другую — Ивану, кухаркину сыну, а третью — Ивану Быковичу.

Отправился Иван-царевич на дозор, залез в кусты и крепко заснул. Иван Быкович на него не понадеялся; как пошло время за полночь — он тотчас готов был, взял с собой щит и меч, вышел и стал под Калиновый мост.

Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы закричали — выезжает чудо-юдо шестиглавое; под ним конь споткнулся, чёрный ворон на плече встрепенулся, позади хорт ошетинился. Говорит чудо-юдо шестиглавое:

— Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, а ты, пёсья шерсть, ошетижилась? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он, добрый молодец, ещё не родился, а коли родился — так на войну не сгодился; я его на одну руку посажу, другой прихлопну — только мокренько будет!

Выскочил Иван Быкович:

— Не хвались, нечистая сила! Не поймав ясна сокола, рано перья щипать; не отведав добра молодца, нечего хулить его. А давай лучше силы пробовать: кто одолеет, тот и похвалится.

Вот сошлись они — поравнялись, так жестоко ударились, что кругом земля простонала. Чудуюду не посчастливилось: Иван Быкович с одного размаху сшиб ему три головы.

— Стой, Иван Быкович! Дай мне роздыху.

— Что за роздых! У тебя, нечистая сила, три головы, у меня всего одна; вот как будет у тебя одна голова, тогда и отдыхать станем.

Снова они сошлись, снова ударились; Иван Быкович отрубил чуду-юду и последние головы, взял туловище — рассёк на мелкие части и побросал в реку Смородину, а шесть голов под Калиновый мост сложил. Сам в избушку вернулся. Поутру приходит Иван-царевич.

— Ну что, не видал ли чего?

— Нет, братцы, мимо меня и муха не пролетала.

На другую ночь отправился на дозор Иван, кухаркин сын, забрался в кусты и заснул. Иван Быкович на него не понадеялся; как пошло время за полночь — он тотчас снарядился, взял с собой щит и меч, вышел и стал под Калиновый мост.

Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались — выезжает чудо-юдо девятиглавое; под ним конь споткнулся, чёрный ворон на плече встрепенулся, позади хорт оцетинился. Чудо-юдо коня по бёдрам, ворона по перьям, хорта по ушам:

— Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, ты, пёсья шерсть, щетинишься? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он ещё не родился, а коли родился — так на войну не сгодился: я его одним пальцем убью!

Выскочил Иван Быкович:

— погоди — не хвались, прежде богу помолись, руки умой да за дело примись! Ещё неведомо — чья возьмёт!

Как махнёт богатырь своим острым мечом раз-два, так и снёс у нечистой силы шесть голов; а чудо-юдо ударил — по колена его в сыру землю вогнал.

Иван Быкович захватил горсть земли и бросил своему супротивнику прямо в очи. Пока чудо-юдо протирал свои глазища, богатырь срубил ему и остальные головы, взял туловище — рассёк на мелкие части и побросал в реку Смородину, а девять голов под Калиновый мост сложил.

Наутро приходит Иван, кухаркин сын.

— Что, брат, не видал ли за ночь чего?

— Нет, возле меня ни одна муха не пролетала, ни один комар не пищал!

Иван Быкович повёл братьев под Калиновый мост, показал им на мёртвые головы и стал стыдить:

— Эх вы, сони, где вам воевать? Вам бы дома на печи лежать!

На третью ночь собирается на дозор идти Иван Быкович; взял белое полотенце, повесил на стенку, а под ним на полу миску поставил и говорит братьям:

— Я на страшный бой иду; а вы, братцы, всю ночь не спите да присматривайтесь, как будет с полотенца кровь течь: если половина миски набежит — ладно дело, если полна миска набежит — всё ничего, а если через край польёт — тотчас спускайте с цепей моего богатырского коня и сами спешите на помочь мне.

Вот стоит Иван Быкович под Калиновым мостом; пошло время за полночь, на реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались — выезжает чудо-юдо двенадцатиглавое; конь у него о двенадцати крылах, шерсть у коня се-

ребряная, хвост и грива — золотые. Едет чудо-юдо; вдруг под ним конь споткнулся; чёрный ворон на плече встрепенулся, позади хорт ошестинился. Чудо-юдо коня по бёдрам, ворона по перьям, хорта по ушам:

— Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, ты, пёсья шерсть, щетинишься? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он ещё не родился, а коли родился — так на войну не сгодился, я только дуну — его и праху не останется!

Выскочил Иван Быкович.

— погоди — не хвались, прежде богу помолись!

— А, ты здесь! Зачем пришёл?

— На тебя, нечистая сила, посмотреть, твоей крепости испробовать.

— Куда тебе мою крепость пробовать? Ты муха передо мной!

Отвечает Иван Быкович:

— Я пришёл с тобой не сказки рассказывать, а насмерть воевать.

Размахнулся своим острым мечом и срубил чудо-юду три головы.

Чудо-юдо подхватил эти головы, чиркнул по ним своим огненным пальцем — и тотчас все головы приросли, будто и с плеч не падали! Плохо пришлось Ивану Быковичу; чудо-юдо стал одолевать его, по колена вогнал в сыру землю.

— Стой, нечистая сила! Цари-короли сражаются, и те замиренье делают; а мы с тобой ужли будем воевать без роздыху? Дай мне роздыху хоть до трёх раз.

Чудо-юдо согласился; Иван Быкович снял правую рукавицу и пустил в избушку. Рукавица

все окна побила, а его братья спят, ничего не слышат. В другой раз размахнулся Иван Быкович сильнее прежнего и срубил чуду-юду шесть голов; чудо-юдо подхватил их, чиркнул огненным пальцем — и опять все головы на местах, а Ивана Быковича забил он по пояс в сыру землю.

Запросил богатырь роздыху, снял левую рукавицу и пустил в избушку. Рукавица крышу пробила, а братья всё спят, ничего не слышат.

В третий раз размахнулся он ещё сильнее и срубил чуду-юду девять голов; чудо-юдо подхватил их, чиркнул огненным пальцем — головы опять приросли, а Ивана Быковича вогнал он в сыру землю по самые плечи.

Иван Быкович запросил роздыху, снял с себя шляпу и пустил в избушку; от того удара избушка развалилася, вся по брёвнам раскатилася.

Тут только братья проснулись, глянули — кровь из миски через край льётся, а богатырский конь громко ржёт да с цепей рвётся. Бросились они на конюшню, спустили коня, а следом за ним и сами на помощь спешат.

— А! — говорит чудо-юдо, — ты обманом живёшь; у тебя помочь есть.

Богатырский конь прибежал, начал бить его копытами; а Иван Быкович тем временем вылез из земли, приловчился и отсёк чуду-юду огненный палец. После того давай рубить ему головы: сшиб все до единой, туловище на мелкие части разнял и побросал всё в реку Смородину.

Прибегают братья.

— Эх вы, сони! — говорит Иван Быкович. — Из-за вашего сна я чуть-чуть головой не поплатился.

Поутру ранёшенько вышел Иван Быкович в чистое поле, ударился оземь и сделался воробышком, прилетел к белокаменным палатам и сел у открытого окошечка. Увидала его старая ведьма, посыпала зёрнышек и стала сказывать:

— Воробышек-воробей! Ты прилетел зёрнышек покушать, моего горя послушать. Насмеялся надо мной Иван Быкович, всех зятьёв моих извёл.

— Не горюй, матушка! Мы ему за всё отплатим, — говорят чудо-юдовы жёны.

— Вот я, — говорит меньшая, — напущу голод, сама выйду на дорогу да сделаюсь яблоней с золотыми и серебряными яблочками: кто яблочко сорвёт — тот сейчас лопнет.

— А я, — говорит середняя, — напущу жажду, сама сделаюсь колодезем; на воде будут две чаши плавать: одна золотая, другая серебряная; кто за чашу возьмётся — того я утоплю.

— А я, — говорит старшая, — сон напущу, а сама перекинусь золотой кроваткою; кто на кроватке ляжет — тот огнём сгорит.

Иван Быкович выслушал эти речи, полетел назад, ударился оземь и стал по-прежнему добрым молодцем. Собрались три брата и поехали домой.

Едут они дорогою, голод их сильно мучает, а есть нечего. Глядь — стоит яблоня с золотыми и серебряными яблочками; Иван-царевич да Иван, кухаркин сын, пустились было яблочки рвать, да Иван Быкович наперёд заскакал и давай рубить яблоню крест-накрест — только кровь брызжет!

То же сделал он и с колодезем, и с золотую кроваткою. Сгибли чудо-юдовы жёны.

Как проведала о том старая ведьма, нарядилась нищенкой, выбежала на дорогу и стоит

с котомкою. Едет Иван Быкович с братьями; она протянула руку и стала просить милостыни.

Говорит царевич Ивану Быковичу:

— Братец! Разве у нашего батюшки мало золотой казны? Подай этой нищенке святую милостыню.

Иван Быкович вынул червонец и подаёт старухе; она не берётся за деньги, а берёт его за руку и вмиг с ним счезла. Братья оглянулись — нет ни старухи, ни Ивана Быковича, и со страху поскакали домой, хвосты поджавши.

А ведьма утащила Ивана Быковича в подземелье и привела к своему мужу — старому старику.

— На тебе, — говорит, — нашего погубителя!

Старик лежит на железной кровати, ничего не видит: длинные ресницы и густые брови совсем глаза закрывают. Позвал он двенадцать могучих богатырей и стал им приказывать:

— Возьмите-ка вилы железные, подымите мои брови и ресницы чёрные, я погляжу, что он за птица, что убил моих сыновей?

Богатыри подняли ему брови и ресницы вилами; старик взглянул:

— Ай да молодец Ванюша! Дак это ты взял смелость с моими детьми управиться! Что ж мне с тобою делать?

— Твоя воля, что хочешь, то и делай, я на всё готов.

— Ну да что много толковать, ведь детей не поднять; сослужи-ка мне лучше службу: съезди в невиданное царство, в небывалое государство и достань мне царицу — золотые кудри, я хочу на ней жениться.

Иван Быкович про себя подумал: «Куда тебе, старому чёрту, жениться, разве мне, молодцу!»

А старуха взбесилась, навязала камень на шею, бултых в воду и утопилась.

— Вот тебе, Ванюша, дубинка, — говорит старик, — ступай ты к такому-то дубу, стукни в него три раза дубинкою и скажи: «Выйди, корабль! Выйди, корабль! Выйди, корабль!» Как выйдет к тебе корабль, в то самое время отдай дубу трижды приказ, чтобы он затворился; да смотри не забудь! Если этого не сделаешь, причинишь мне обиду великую.

Иван Быкович пришёл к дубу, ударяет в него дубинкою бессчётное число раз и приказывает:

— Всё, что есть, выходи!

Вышел первый корабль; Иван Быкович сел в него, крикнул:

— Все за мной! — и поехал в путь-дорогу.

Отъехав немного, оглянулся назад — и видит: сила несметная кораблей и лодок! Все его хвалят, все благодарят. Подъезжает к нему старичок в лодке:

— Батюшка Иван Быкович, много лет тебе здравствовать! Прими меня в товарищи.

— А ты что умеешь?

— Умею, батюшка, хлеб есть.

Иван Быкович сказал:

— Фу, пропасть! Я и сам на это горазд; однако садись на корабль, я добрым товарищам рад.

Подъезжает в лодке другой старичок:

— Здравствуй, Иван Быкович! Возьми меня с собой.

— А ты что умеешь?

— Умею, батюшка, вино-пиво пить.

— Нехитрая наука! Ну да полезай на корабль.

Подъезжает третий старичок:

— Здравствуй, Иван Быкович! Возьми и меня.

— Говори: что умеешь?

— Я, батюшка, умею в бане париться.

— Фу, лихая те побери! Эки, подумаешь, мудрецы!

Взял на корабль и этого; а тут ещё лодка подъехала; говорит четвёртый старичок:

— Много лет здравствовать, Иван Быкович! Прими меня в товарищи.

— Да ты кто такой?

— Я, батюшка, звездочёт.

— Ну, уж на это я не горазд; будь моим товарищем.

Принял четвёртого, просится пятый старичок.

— Прах вас возьми! Куды мне с вами деваться? Сказывай скорей: что умеешь?

— Я, батюшка, умею ершом плавать.

— Ну милости просим!

Вот поехали они за царицей — золотые кудри. Приезжают в невиданное царство, небывалое государство; а там уже давно сведали, что Иван Быкович будет, и целые три месяца хлеб пекли, вино курили, пиво варили. Увидал Иван Быкович несчётное число возов хлеба да столько же бочек вина и пива, удивляется и спрашивает:

— Что б это значило?

— Это всё для тебя наготовлено.

— Фу, пропасть! Да мне столько в целый год не съесть, не выпить.

Тут вспомнил Иван Быкович про своих товарищей и стал вызывать:

— Эй вы, старички-молодцы! Кто из вас пить-есть понимает?

Отзываются Обьедайло да Опивайло:

— Мы, батюшка! Наше дело ребячье.

— А ну, принимайтесь за работу!

Подбежал один старик, начал хлеб поедать: разом в рот кидает не то что караваемы, а целыми возами. Всё приел и ну кричать:

— Мало хлеба, давайте ещё!

Подбежал другой старик, начал пиво-вино пить, всё выпил и бочки проглотил.

— Мало, — кричит. — Подавайте ещё!

Засуетилась прислуга, бросилась к царице с докладом, что ни хлеба, ни вина не достало.

А царица — золотые кудри приказала вести Ивана Быковича в баню париться. Та баня топилась три месяца и так накалена была, что за пять вёрст нельзя было подойти к ней. Стали звать Ивана Быковича в баню париться; он увидел, что от бани огнём пышет, и говорит:

— Что вы, с ума сошли? Да я сгорю там!

Тут ему опять вспомнилось:

— Ведь со мной товарищи есть! Эй вы, старички-молодцы! Кто из вас умеет в бане париться?

Подбежал старик:

— Я, батюшка! Моё дело ребячье.

Живо вскочил в баню, в угол дунул, в другой плюнул — вся баня остыла, а в углах снег лежит.

— Ох, батюшки, замёрз, топите ещё три года! — кричит старик что есть мочи.

Бросилась прислуга с докладом, что баня совсем замёрзла, а Иван Быкович стал требовать, чтоб ему царицу — золотые кудри выдали. Царица сама к нему вышла, подала свою белую руку, села на корабль и поехала.

Вот плывут они день и другой; вдруг ей сделалось грустно, тяжело — ударила себя в грудь, оборотилась звездой и улетела на небо.

— Ну, — говорит Иван Быкович, — совсем пропала! — Потом вспомнил: — Ах, ведь у меня есть товарищи. Эй, старички-молодцы! Кто из вас звездочёт?

— Я, батюшка! Моё дело ребячье, — отвечал старик, ударился оземь, сделался сам звездю, полетел на небо и стал считать звёзды; одну нашёл лишнюю и ну толкать её! Сорвалась звёздочка со своего места, быстро покатила по небу, упала на корабль и обернулась царицею — золотые кудри.

Опять едут день, едут другой; нашла на царицу грусть-тоска, ударила себя в грудь, оборотилась щукою и поплыла в море. «Ну, теперь пропала!» — думает Иван Быкович, да вспомнил про последнего старичка и стал его спрашивать:

— Ты, что ль, горазд ершом плавать?

— Я, батюшка, моё дело ребячье! — Ударился оземь, оборотился ершом, поплыл в море за щукою и давай её под бока колоть. Щука выскочила на корабль и опять сделалась царицею — золотые кудри.

Тут старички с Иваном Быковичем распростились, по своим домам пустились; а он поехал к чудо-юдову отцу.

Приехал к нему с царицею — золотые кудри; тот позвал двенадцать могучих богатырей, велел принести вилы железные и поднять ему брови и ресницы чёрные. Глянул на царицу и говорит:

— Ай да Ванюша! Молодец! Теперь я тебя прощу, на белый свет отпущу.

— Нет, погоди, — отвечает Иван Быкович, — не подумавши сказал!

— А что?

— Да у меня приготовлена яма глубокая, через яму лежит жёрдочка; кто по жёрдочке пройдёт, тот за себя и царицу возьмёт!

— Ладно, Ванюша! Ступай ты наперёд.

Иван Быкович пошёл по жёрдочке, а царица — золотые кудри про себя говорит:

— Легче пуху лебединого пройди!

Иван Быкович прошёл — и жёрдочка не погнулась; а старый старик пошёл — только на середину ступил, так и полетел в яму.

Иван Быкович взял царицу — золотые кудри и воротился домой; скоро они обвенчались и задали пир на весь мир. Иван Быкович сидит за столом да своим братьям похваляется:

— Хоть долго я воевал, да молодую жену достал! А вы, братцы, садитесь-ка на печи да гложите кирпичи!

На том пиру и я был, мёд-вино пил, по усам текло, да в рот не попало; тут меня угощали: отняли лоханку от быка да налили молока; потом дали калача, в ту ж лоханку помоча. Я не пил, не ел, вздумал утираться, со мной стали драться; я надел колпак, стали в шею толкать!

ПЁТР И ПЕТРУША

Жил на свете такой царь, Петром звали, а по прозвищу Великий.

В одно время поехал он на охоту зверьё ловить. А Пётр, надо сказать, в царскую одежду не любил рядиться, всё больше простую носил.

Вот едет он лесом всё далее и далее и заплутался. Пристигла его в лесу тёмная ночь.

А тут — ещё беда! — напал на него медведь и растерзал его охотную собаку.

Опечалился царь Пётр.

«Эх, — думает, — остался я теперь ни при чём!»

Ну и закружил Пётр в тёмном лесу.

Всю ночь кружил, а лесу конца-краю нет.

Выехал Пётр на маленькую полянку и вдруг видит: сидит на пенёчке солдат.

«Ага, — думает Пётр, — солдат-то мой!»

Пётр одним только глазом глянул на его шинельку и уже знает, какого он полка.

А солдат этот в бегах был, в лесу прятался.

— Здравствуй, служивый, — говорит ему Пётр.

— Здравствуй, не знаю, кто ты таков, — отвечает солдат.

— А я из царской свиты. Поехал с царём на охоту да и отстал, с дороги сбился. А ты откуда? Куда путь держишь?

— Тебе-то что за надобность, откуда я да куда? — говорит солдат.

— Да я по простоте спрашиваю, — говорит Пётр. — Может, дорогу мне покажешь.

— А я сам с дороги сбился, — говорит солдат. — Домой на побывку ходил да и запутался в этом лесу.

— Ну, пойдём, будем вместе дорогу искать, — говорит Пётр. — Авось выберемся.

И отправились. Пётр — на коне, а солдат — пеший.

— Тебя как звать-то? — спрашивает царь.

— Меня — Петром, — отвечает солдат. — А тебя?

— А меня Петрушей, — говорит царь.

— А по батюшке как? — спрашивает солдат.

— А по батюшке Алексеич, — отвечает царь.

— И меня Алексеич, — говорит солдат. — Значит, мы с тобой полные тёзки.

— А ты откуда родом? — спрашивает царь.

— Оттуда-то.

— Ну и я тоже. Значит, мало что тѣзки, а ещё и земляки. А что, земляк, — говорит ему царь Пётр, — как тебе в полку служится?

— Служба-то ничего, — говорит солдат, — да полковник больно зол: чуть что не по нём — сейчас драться. Пуговицу вот потерял, так он меня за эту пуговицу мўкой замучил. Каждый день бил. Хоть плачь. Хоть беги.

— А ты, верно, и сбежал? — говорит царь.

Солдат и признался тут, что он бежавший.

— Да ты не робей, царь, может, и простит, — говорит Пётр.

А потом спрашивает:

— А кто у вас полковник, кто ротный?

Солдат ему всё толком и доложил: кто ротный, кто полковник.

— А как, служивый, у вас в полку пища? — спрашивает Пётр. — Говядины по сколько варят? По уставу в котёл кладут?

— Про устав одна слава идёт, — говорит солдат, — а говядина мимо плывёт.

Пётр только головой покачал.

— А кашу крутую варят? — опять спрашивает.

— Какое там крутую? — говорит солдат. — Крупинка от крупинки за версту, на ложку и не поймать.

— Да, плохая ваша жизнь, — говорит Пётр. — Я и сам сбежал бы от такой жизни!

Долго ли, мало ли плутали они по лесу и увидели преогромную сосну.

— Ну-ка, тѣзка, — говорит Пётр солдату, — поддержи моего коня, а я заберусь повыше, посмотрю, не видать ли где огонька.

Забрался Пётр на самую вершину, поглядел туда, сюда: всюду тьма непроглядная, только в одной стороне, далеко-далеко, огонёк светится, может, в деревне где или в избушке лесничего.

Слез Пётр на землю, вскочил на коня и говорит:

— Садись, служивый, и ты, мой конь сильный, двоих увезёт.

А солдат не соглашается.

— Нет, — говорит, — я уж лучше пешком.

Так и двинулись в путь, конный да пеший, два товарища.

Долго ли, коротко ли — выехали к огоньку.

Видят: стоит дом. Все окошки тёмные, а одно — наверху — светится.

Дом высоким забором обнесён, нигде ни входа, ни выхода.

Постучались они. Стоят, ждут. Никто на стук не отвечает.

Солдат и руками и ногами в ворота колотит, а всё равно никто на стук не выходит, никто не открывает. Только огонёк в верхнем окошке погас.

«Ох, недоброе это место», — думает солдат.

А потом говорит царю:

— Послушай, тёзка, подсади-ка ты меня. Я через тын¹ перелезу.

Так и сделали. Перелез солдат через забор и открыл ворота.

— Пожалуйста, — говорит Петру, — хлеба-соли откусать, в тепле согреться.

А сам взбежал на крыльцо и давай в дубовую дверь стучать.

---

¹ Тын — забор, частокол.

— Эй, кто тут есть? — кричит.

Слышат — зашевелился кто-то в доме.

Вышла к ним старуха с фонарём в руках.

— Ты что же, старая, добрым людям не открываешь? — кричит на неё солдат.

— Ах вы, мои родимые! — говорит старуха. — Напугали вы меня. Одна я в целом доме. Хозяина нет, на охоту уехал. А место здесь дикое, сами видите, всякий тёмный люд бродит, вот и запираюсь.

— Ладно, ладно, ты зубы не заговаривай, — говорит солдат. — Куда лошадь ставить?

— Да ставьте, родимые, под навес, тут и ясли¹, и сено есть.

Солдат привязал лошадь, дал ей корму и в избу без спросу идёт. Пётр за ним.

— Ну, старая, — командует солдат, — подавай, что у тебя есть, мне и моему другу Алексеичу.

Старуха видит, что он шибко на неё наступает, спорить не стала, собрала из горшков да котлов остатки — и на стол. У солдата только аппетит разжёлся.

— Не больно-то для гостей ты расщедрилась!

А старуха жалостно так говорит:

— Милые вы мои, нет у меня ничего. Что наготовила — хозяин с собой увёз, а я на пустых щах весь день сижу.

— Врёшь ты, старая, — говорит солдат, — да я не верю. Может, друга моего, Алексеича, и проведёшь, а я не зря в солдатах служил, меня не обманешь. Вот сейчас я сам посмотрю, что у тебя есть.

---

¹ Ясли — кормушка для скота.

Открыл он печку и достал оттуда на сковороде жареного гуся.

— Ах ты, старая карга! — закричал солдат. И с кулаками на старуху.

— Оставь ты её! — говорит Пётр. — Чего со старухой связываться!

— Эх, Алексеич, — говорит солдат, — пропадёшь ты со своим смиренством.

Потом подошёл к поставцу, открыл и давай снимать с полок вино, и пироги, и хлеб белый.

Сели они за стол, стали угощаться. Наелись, напились, что было у старухи жарено-варено, — всё съели.

— Ну, старая, готовь ночлег, — говорит солдат. — Не видишь, мой друг Алексеич спать хочет.

— А идите, дорогие гости, на чердак, на сеновал, — говорит им старуха. — Там вам и тепло будет, и мягко.

— Это что же, для гостей и угла в доме нет? — говорит солдат. — А в другой горнице у тебя что? — И сам на дверь показывает.

— Разный хлам у меня там свален, родимый, хлам разный, — говорит старуха, а сама плотнее дверь в соседнюю горницу прикрыла.

Солдат думает: «Что-то хитрит старая ведьма. Дай-ка я погляжу, что там за дверью».

И заглянул незаметно в щёлку. Да так и похолодел!

По стенам горницы сабли да ружья развешаны, а в углу человеческих черепов и костей — целая гора.

Тут понял солдат, что попали они прямо к разбойникам, в самое их гнездо.

Отошёл он тихонько от двери, ничем себя не выдал.

— Что ж, — говорит, — пойдём на сеновал, там ещё лучше спать.

Старуха рада, что гости хоть с глаз подальше уберутся, сена им подбросила и фонариком посветила, пока они наверх лезли.

Расстелил солдат на чердаке сено и говорит Петру:

— Ложись, Алексеич, отдыхай.

— А сам-то что не ложишься? — спрашивает Пётр.

— А дозор нести кто будет? — отвечает солдат. — Это дело солдатское. Да ты спи, спи. А я у окошечка посижу, полюбуюсь, как солнышко поднимается.

Пётр спит, а солдат у окошка сидит, в оба смотрит. «Как бы, — думает, — смерть свою не проглядеть».

Вдруг — бряк, стук, колокольцы звенят, копыта стучат, — с гиком, свистом едут на двор разбойники.

Посчитал их солдат — всех разбойников пятеро: четверо молодых, а пятый старик, над всеми, верно, голова.

Старуха на крылечко выбежала, руками на них машет:

— Тише, тише вы, ко мне в силки¹ два птенца попались. Один, видать, птица важная, одежда на нём с золотыми галунами, рог — серебряный. А другой хоть и простоват, да такой отчаянный! Одно слово — солдат.

— Ну, сынки, — говорит старшой своим сыновьям-разбойникам, — смотрите-ка, добыча сама в руки идёт!

---

¹ Силók — петля для ловли птиц и мелких животных.

Те смеются:

— А как же, на ловца и зверь бежит!

Распрягли они лошадей, задали им корму и пошли в дом. Мешки с золотом на скамейки побросали и говорят:

— Давай, хозяйка, есть-пить.

Старуха собрала разные остатки и выставила на стол.

— Что же ты, старая, ни гуся, ни пирогов не даёшь? — спрашивает старшой.

— Да ничего не осталось, — отвечает старуха. — Всё, что было, постояльцы съели-выпили.

— Ладно, — говорят разбойники, — получим с них расчёт за хлеб-соль. Где же они, твои гости?

— На чердаке, на сеновале, — говорит старуха. — Храпят во всё горло.

— Снять их, что ли? — один разбойничек говорит.

— Поди, не торопись, — приказывает атаман. — Пушай спят до времени.

А солдат слышит всё и давай погромче храпеть.

«Не стану, — думает, — Алексеича будить. Один справлюсь с разбойниками».

Приготовил тесак¹ и ждёт, что будет.

Тем временем старуха затопила печь, стала обед варить.

Наелись разбойники, напились, и говорит старик старшóму сыну:

— Ну, Саватейка, ты у меня первый, значит, тебе и начинать. Иди сними петушков с жёрдочек.

---

¹ Тесак — рубящее и колющее оружие с широким и коротким клинком на крестообразной рукояти.

Взял Саватейка нож и полез наверх. А солдат не дремлет. Только разбойник просунул голову на чердак, солдат как махнёт тесаком — Саватейка и свалился замертво с лестницы.

Отец с братьями удивляются: что это Саватейки долго нет?

— Иди-ка погляди, что он там возится, — говорит старик второму сыну.

Пошёл тот в сени, видит: Саватейка под лестницей лежит.

«Видно, выпил лишнего», — думает разбойник. И сам полез по лестнице на чердак.

Солдат и его так же встретил.

За вторым братом третий пошёл, за третьим — четвёртый. И со всеми у солдата один разговор: махнёт тесаком, разбойник и повалится.

Ждал-ждал старый разбойник сыновей и пошёл сам.

Подходит к лестнице и видит: сыновья все вповалку лежат.

Заругался старик:

— Бездельники, дармоеды, не могли отцова дела выполнить.

И полез по лестнице.

Только просунул старик голову на чердак, солдат своим тесаком — раз!

— Иди, вожак, к своей стае!

И снял ему голову долой.

Тут принялся он будить Петра:

— Вставай, тёзка. Довольно спать! Эка ты сонюля, как я погляжу!

Пётр проснулся, протёр глаза и спрашивает:

— Что, неужто рассвет уже?

— Рассвет не рассвет, — говорит солдат, — а надо нам отсюда убираться. Занесло нас с тобой в разбойничье гнездо. Они-то, разбойники, думали, что напали на лёгкую добычу, да и сами в силки угодили. Вот, гляди, все лежат.

Пётр глянул — и верно, лежат в сених пять мёртвых тел, пять разбойников.

— Что же ты меня не разбудил? — спрашивает Пётр.

— Уж больно ты сладко спал, — говорит солдат, — пожалел я тебя будить. Для усталого человека сон — первое дело.

Стали они спускаться по лестнице.

Старуха думает, что это разбойники, и выбежала с фонарём в сени посмотреть, какую добычу они несут.

Тут солдат на неё и налетел:

— Вот, старая карга, чем ты занимаешься! А ну, признавайся, кого ещё у себя прячешь?

А сам тесаком над её головой помахивает.

Пётр смеётся, а старуха плачет:

— Ой, служивенький, никого я больше не прячу! Ой, служивенький, не губи!

Солдат и слушать её не хочет — расходился так, что и не унять.

— Открывай, — кричит, — все потайные погреба, сейчас всех вас на чистую воду выведем, всю сорную траву повыдергаем!

Открыла старуха ему все погреба и подвалы, все потайные кладовые — а там золото горами лежит.

— Ну-ка, тёзка, — говорит царь солдату, — насыпай себе казны¹ сколько хочешь.

---

¹ Казна́ — имущество, деньги.

Солдат золотыми монетами оба кармана себе набил, и за голенища по горсти сунул, и за пазуху, — всего себя кругом деньгами обсыпал.

— Бери и ты, Петруша! — говорит.

— Мне, служивый, не надо! — отвечает Пётр. — А ты это золото и впрямь заслужил.

Для забавы только взял одну монетку царь Пётр, и всё.

Вот вылезли они из подвала. Солдат опять на старуху наступает:

— Показывай, старая карга, дорогу!

Ну, она и вывела их из лесу.

Выбрались они на большак¹. Тут Пётр говорит:

— Вот что, тёзка, теперь давай попрощаемся. Я вперёд один поеду. А ты, как придёшь в столицу, уж сделай милость, приходи в гости.

— Где ж мне тебя найти? — говорит солдат. — Да и поймают меня там!

— Не сомневайся, никто не тронет, — говорит Пётр. — Иди прямо во дворец и спроси Петрушу. Меня там всякий знает. — И проскакал на коне вперёд.

Подъехал Пётр к своей столице и на каждой заставе² приказывает караульным, чтобы таковому солдату прохожему все честь отдавали и в город пропускали.

А беглый солдат идёт-бредёт, не торопится. Подходит он к первой заставе. Что за диво! Ка-

---

¹ Большак — большая (основная) дорога, в отличие от просёлочной.

² Застава — в старой России место въезда в город, пункт контроля привозимых товаров, грузов и приезжающих.

раульные на караул берут и честь ему воздают, ну словно самому царю.

Пожертвовал он им горсть золота, а сам думает: «Ай, Петруша, вон что сделал! Ведь недаром честь-то мне воздают! Знают, что при мне деньги имеются!»

Дошёл до другой заставы — и там то же. Караульные, как увидели его, сразу навытяжку.

— Что вы, братцы, — говорит солдат, — выпили, видно, лишнего? Рядового за офицера принимаете! Ну, коли так, уважение за уважение!

Сунул он руку в карман, достал горсть золота и раздаёт караульным.

— Выпейте за моё здоровье!

Наконец пришёл в столицу.

«А что, — думает, — пойду я во дворец, поведу с Алексеичем».

Подошёл к дворцу и спрашивает у привратника¹:

— Как бы мне Алексеича повидать, Петрушу, он у вас в царской свите состоит, охотником.

— Извольте, — тот говорит, — я вас провожу. И прямо в царёвы покои его ведёт.

«Ну, — думает солдат, — попал я!»

Тем временем Пётр царскую одежду скинул, охотничью надел и вышел к солдату:

— Здравствуй, тёзка!

А у того и язык не поворачивается. Тихонько так промолвил:

— Здравствуй, Петруша!

А потом и говорит:

— Что же ты, Петруша, со мной сделал? Царю выдал! Теперь пропала моя головушка!

---

¹ Привратник — сторож у входа, у ворот.

— Ты не сомневайся, — говорит ему Пётр. — Мне царь обещал! Да он сам тебе скажет.

И тут же за перегородку пошёл, царскую одежду надел и опять вышел к солдату.

— Здравствуй, служивый!

Солдат честь отдал, навытяжку стал, сам ни жив ни мёртв со страху.

— Здравия желаю! — отвечает.

Он хоть не робкого десятка был, а тут оробел. В глаза царю смотрит, как по уставу положено, а видеть — ничего не видит.

Стал царь его допрашивать:

— Ты чей, откуда?

Ну, делать нечего, надо сознаваться.

— Бежавший я, — говорит солдат.

— Слышал, — говорит царь. А потом спрашивает: — Петрушу моего знаешь?

— Знаю малость, — отвечает солдат. — Вместе в лесу бедовали.

— Это, значит, ты его от смерти спас?

Молчит солдатик.

«Я-то спас, — думает, — а он вот меня погубил».

— А скажи-ка, солдат, — опять спрашивает царь, — правду ли говорят, что Петруша этот со мной лицом схож?

Солдат глядит и сам себе не верит, ну, одно лицо! Стоит пред ним вчерашний его друг Алексеич.

— Малость смахивает, — отвечает солдат.

Тут царь вынул из кармана золотую монетку, что у разбойников взял, повертел её, с руки на руку перекинул и будто подмигнул солдату.

— Так вот, — говорит, — мне-то хорошо известно, что ты Петрушу от смерти спас. Зато и он тебя нынче спас. По уставу-то знаешь, что полагается за то, что убёг? Ну, да что там говорить! Иди в свой полк и служи, как служил, верой и правдой. Заступишь на место полковника, а полковник пускай на твоём месте послужит, разучится небось воровать.

Подал ему царь своеручное письмо, и зашагал солдат к себе в полк. А друга своего Алексеича не встречал больше никогда. Уж кого только он не спрашивал — никто про такого знать не знал.

ПЁТР I И МУЖИК

Наехал царь Пётр на мужика в лесу. Мужик дрова рубит. Царь и говорит:

— Божья помощь, мужик!

Мужик и говорит:

— И то мне нужна божья помощь.

Царь спрашивает:

— А велика ли у тебя семья?

— У меня семьи два сына да две дочери.

— Ну невелико твоё семейство. Куда ж ты деньги кладёшь?

— А я деньги на три части кладу: во-первых — долг плачу; в-других — в долг даю; в-третьих — в воду мечу.

Царь подумал и не знает, что это значит, что старик и долг платит, и в долг дает, и в воду мечет. А старик говорит:

— Долг плачу — отца-мать кормлю; в долг даю — сыновей кормлю; а в воду мечу — дочерей ращу.

Царь и говорит:

— Умная твоя голова, старичок. Теперь выведи меня из лесу в поле, я дороги не найду.

Мужик говорит:

— Найдёшь и сам дорогу: иди прямо, потом сверни вправо, а потом влево, потом опять вправо.

Царь и говорит:

— Я этой грамоты не понимаю, ты сведи меня.

— Мне, сударь, водить некогда, нам в крестьянстве день дорого стоит.

— Ну, дорого стоит, так я заплачу.

— А заплатишь — пойдём.

Сели они на одноколку, поехали.

Стал дорогой царь мужика спрашивать:

— Далече ли ты, мужичок, бывал?

— Кое-где бывал.

— А видал ли царя?

— Царя не видал, а надо бы посмотреть.

— Так вот, как выедем в поле, и увидишь царя.

— А как я его узнаю?

— Все без шапок будут, один царь в шапке.

Вот приехали они в поле. Увидал народ царя — все снимали шапки. Мужик пялит глаза, а не видит царя. Вот он и спрашивает:

— А где же царь?

Говорит ему Пётр Алексеевич:

— Видишь, только мы двое в шапках — кто-нибудь из нас да царь.

ПЕТУХ И ЖЕРНОВЦЫ¹

Жил да был себе старик со старухою, бедные-бедные! Хлеба-то у них не было; вот они поехали в лес, набрали желудей, привезли домой и начали есть. Долго ли, коротко ли они ели, только старуха уронила один жёлудь в подполье. Пустил жёлудь росток и в небольшое время дорос до полу. Старуха заприметила и говорит: «Старик! Надобно пол-то прорубить; пускай дуб растёт выше; как вырастет, не станем в лес за желудями ездить, станем в избе рвать». Старик прорубил пол; деревцо росло, росло и выросло до потолка. Старик разобрал и потолок, а после и крышу снял; дерево все растёт да растёт и доросло до самого неба. Не стало у старика со старухой желудей, взял он мешок и полез на дуб.

Лез-лез и взобрался на небо. Ходил, ходил по небу, увидал: сидит кочеток золотой гребенёк, масляна головка, и стоят жерновцы. Вот старик-от долго не думал, захватил с собою и кочетка, и жерновцы и спустился в избу. Спустился и говорит: «Как нам, старуха, быть, что нам есть?» — «Постой, — молвила старуха, — я попробую жерновцы». Взяла жерновцы и стала молоть; ан блин да пирог, блин да пирог! Что ни повернет — все блин да пирог!.. И накормила старика.

Ехал мимо какой-то барин и заехал к старику со старушкой в хату. «Нет ли, — спрашивает, — чего-нибудь поесть?» Старуха говорит: «Чего тебе, родимый, дать поесть, разве блинков?»

---

¹ Жерновцы — ручная мельница.

Взяла жерновцы и намолочила: нападали блинки да пирожки. Приезжий поел и говорит: «Продай мне, бабушка, твои жерновцы». — «Нет, — говорит старушка, — продать нельзя». Он взял да и украл у ней жерновцы. Как увéдали старик со старушкою, что украдены жерновцы, стали горе горевать. «Постой, — говорит кочеток золотой гребенёк, — я полечу, догоню!» Прилетел он к боярским хоромам, сел на ворота и кричит: «Кукуреку! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые!» Как услышал барин, сейчас приказывает: «Эй, малый! Возьми, брось его в воду». Поймали кочетка, бросили в колодезь; он и стал приговаривать: «Носик, носик, пей воду! Ротик, ротик, пей воду!» — и выпил всю воду. Выпил всю воду и полетел к боярским хоромам; уселся на балкон и опять кричит: «Кукуреку! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые!» Барин велел повару бросить его в горячую печь. Поймали кочетка, бросили в горячую печь — прямо в огонь; он и стал приговаривать: «Носик, носик, лей воду! Ротик, ротик, лей воду!» — и залил весь жар в печи. Вспорхнул, влетел в боярскую горницу и опять кричит: «Кукуреку! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые!» Гости услышали это и побегли из дому, а хозяин побег догонять их; кочеток золотой гребенёк схватил жерновцы и улетел с ними к старику и старухе.

СКАЗКА О МОЛОДЦЕ-УДАЛЬЦЕ, МОЛОДИЛЬНЫХ ЯБЛОКАХ И ЖИВОЙ ВОДЕ

Русская народная сказка

Жил да был царь; у царя было три сына: Фёдор, Егор да Иван; Иван был не совсем умён. Посылает царь старшего сына по живую воду, по сладкие моложавые яблоки; он поехал и доезжает до росстанья. Тут столб стоит, на столбе роспись: вправо идти — попить да поесть, влево идти — головушку погубить; он поехал вправо и приезжает к дому; заходит в избу, а тут дэвица говорит ему: «Фёдор-царевич! Ложись со мной спать». Он лёг; она взяла да и спихнула его неведомо куда. Царь, не дождавшись его долго, другого сына посылает. Этот поехал и до того же места приезжает; входит в избу. Дэвица и этого так же уходила. Царь посылает третьего сына: «Поезжай ты!»

Младший сын поехал, доезжает до того же росстанья и говорит: «Для отца поеду голову губить!» — и поехал влево; доезжает до избушки, входит туда, а в избушке ягишна — сидит за пряслицей, прядёт шёлкову кудельку на золотое веретёнце и говорит: «Куда, русская коска Иван-царевич, поехал?» Он отвечает: «Напой-накорми, тожно всё расспроси». Она напоила-накормила и спрашивает; он говорит: «Я поехал по живую воду, по сладкие моложавые яблоки — туда, где живёт Белая Лебедь Захарьевна». Ягишна говорит: «Едва ли достанешь! Разве я помогу», — и даёт ему своего коня. Он сел и поехал; доезжает до другой сестры ягишны. Взошёл в избу,

она ему говорит: «Фу-фу, русской коски слыхом было не слышать, видом не видать, а ныне сама на двор пришла; куда, Иван-царевич, поехал?» Он отвечает: «Прежде напой-накорми, тожно расспроси». Она напоила-накормила его; он и говорит: «Я поехал добывать живую воду, сладкие моложавые яблоки — туда, где живёт Белая Лебедь Захарьевна». — «Едва ли достанешь!» — сказала баба и дала ему своего коня.

Царевич поехал до третьей ягишны; входит в избу, та говорит: «Фу-фу, русской коски слыхом было не слышать, видом не видать, ныне русская коска сама на двор пришла: куда, Иван-царевич, поехал?» — «Прежде напой-накорми, тожно расспроси». Она напоила-накормила его; он и говорит: «Я поехал по живую воду, по сладкие моложавые яблоки». — «Трудно, царевич! Едва ли достанешь». Потом даёт ему своего коня, семисотную палицу и наказывает: «Когда станешь подъезжать к городу, то ударь коня палицей, чтобы он перескочил за симу́ (крепостную стену)». Так он и сделал: перескочил за симу́, поставил своего коня к столбу и идёт в палаты Белой Лебеди Захарьевны. Слуги его не пускают; а он сквозь пробивается: «Я, — говорит, — Белой Лебеди записку несу». Добился до покоев Белой Лебеди Захарьевны; в то время она крепко спала, на пуховой на постели разметалася, а живая вода стояла у ней под изголовьем. Он взял воды, поцеловал девицу <...>, потом, набравши моложавых яблоков, поехал назад. Конь его скочил чрез симу́ и задел за край. Вдруг зазвенели все колокольчики, все прозвончики, весь город пробудился. Белая Лебедь Захарьевна забега-

лась — ту няньку бьёт, другую колотит, кричит: «Вставайте! Кто-то в доме был, воды испил, колодезь не закрыл».

Между тем царевич пригнал к первой ягишне, переменял лошадь; а Лебедь Захарьевна за ним гонится, приехала к той ягишне, у которой царевич только что коня сменил, и спрашивает: «Куда ты ездила? У тебя лошадь потна». Та отвечает: «Ездила в поле скота выгонять». Иван-царевич переменял у второй ягишны коня; а Лебедь Захарьевна вслед за ним приезжает и говорит: «Куда, ягишна, ездила? У тебя лошадь потна». — «Я ездила в поле скота выгонять, оттого у меня лошадь спотела». Иван-царевич доехал до последней ягишны, переменял лошадь; а Лебедь Захарьевна всё гонится, приезжает после него, спрашивает ягишну: «Что у тебя лошадь потна?» Та отвечает: «В поле ездила скота выгонять».

Отселе она домой воротилась; а Иван-царевич поехал к братьям. Приходит к дому, где они были; девица выскочила на крыльцо, говорит: «Добро пожаловать!» Потом зовёт его спать с собою. Царевич говорит: «Напой-накорми, тожно спать клади». Она напоила-накормила и опять говорит: «Ложись со мной!» Отвечает царевич: «Наперёд ты ложись!» Она легла наперёд, он её и спихнул; девица полетела неведомо куда. Иван-царевич думает: «Ну-ка вскрою эту западню; не там ли мои братья?» Вскрыл — они тут и сидят; говорит им: «Выходите, братья! Что вы тут делаете? Не стыдно ли вам?» Собрались и поехали все вместе домой к отцу. Вот дорогою старшие братья вздумали убить младшего; Иван-царевич узнал их думу и говорит: «Не бейте

меня; я вам всё отдам!» Они на то не согласились, убили его и косточки разбросали по чистому полю. Конь Ивана-царевича собрал его косточки в одно место, вспрыснул живую водой; у него коска с коской, суставчик с суставчиком срослись; царевич ожил и говорит: «Долго я спал, да скоро встал!» Приходит к своему отцу в чежелкё; отец, увидавши, говорит ему: «Ты куда ходил? Поди, нужные места очищать».

Между тем выезжает Белая Лебедь Захарьевна на заповедные луга царские и посылает к царю письмо, чтобы он выдал ей виноватого. Царь посылает старшего сына. Детки Белой Лебеди, завидя его, кричат: «Вон наш батюшка идет! Чем мы будем его потчевать?» А мать говорит: «Нет, это не отец, а дядюшка ваш; потчуйте его тем, что у вас в руках». А у них было по дубинке; они так ему бока навохрили (наколотили), что едва дошёл до дому. Потом царь посылает второго сына; этот идёт, детки обрадовались и кричат: «Вон наш батюшка идёт!» А мать говорит: «Нет, это ваш дядюшка». — «Чем же мы его будем потчевать?» — «А что у вас в руках, тем и потчуйте!» Они так же ему бока навохрили, как и старшему брату. Тожно посылает Белая Лебедь Захарьевна к царю сказать, чтобы выслал виноватого. Царь, наконец, посылает младшего сына; он бредёт — на нём лаптишки худые, чежелкó худое.

Дети кричат: «Вон нищий какой-то идёт!» А мать говорит: «Нет, это ваш батюшка». — «Чем мы будем его потчевать?» — «А чем бог послал». Когда Иван-царевич пришёл, она надела на него хорошую лопоть (одежду), и поехали они к царю. По приезде Иван-царевич рас-

сказал отцу своё похождение: как он из ловушки братьев добыл и как они убили его. Отец рассердился, взял их разжаловал и приставил к низким должностям, а младшего сына взял к себе в наследники.

ТЕРЁШЕЧКА

Худое житьё было старику со старухой! Век они прожили, а детей не нажили; смолоду ещё перебивались так-сяк; состарились оба, напиться подать некому, и тужат и плачут. Вот сделали они колодочку, завернули её в пелёночку, положили в люлечку, стали качать да прибаюкивать — и вместо колодочки стал рость в пелёночках сынок Терёшечка, настоящая ягодка! Мальчик рос-подростал, в разум приходил. Отец ему сделал челночок. Терёшечка поехал рыбу ловить; а мать ему и молочко и творожок стала носить. Придёт, бывало, на берег и зовёт: «Терёшечка, мой сыночек! Плыви, плыви к бережочку; я, мать, пришла, молока принесла». Терёшечка далеко услышит её голосок, подъедет к бережку, высыпет рыбку, напьётся-наестся и опять поедет ловить.

Один раз мать говорила ему: «Сыночек, милочка! Будь осторожен, тебя караулит ведьма Чувилиха; не попадись ей в когти». Сказала и пошла. А Чувилиха пришла к бережку и зовёт страшным голосом: «Терёшечка, мой сыночек! Плыви, плыви к бережочку; я, мать, пришла, молока принесла». А Терёшечка распознал и говорит: «Дальше, дальше, мой челночок! Это не родимой матушки голосок, а злой ведьмы Чувилихи». Чувилиха услышала, побежала, доку сыскала

и добыла себе голосок, как у Терёшечкиной матери. Пришла мать, стала звать сына тоненьким голоском: «Терёшечка, мой сыночек, плыви, плыви к бережочку». Терёшечка услышал и говорит: «Ближе, ближе, мой челночок! Это родимой матушки голосок». Мать его накормила, напоила и опять за рыбкой пустила.

Пришла ведьма Чувилиха, запела выученным голоском, точь-в-точь родимая матушка. Терёшечка обознался, подъехал; она его схватила, да в куль, и помчала. Примчала в избушку на курьих ножках, велела дочери его сжарить; а сама, поднявши лытки, пошла опять на раздобытки. Терёшечка был мужичок не дурачок, в обиду девке не дался, вместо себя посадил её жариться в печь, а сам взобрался на высокий дуб.

Прибежала Чувилиха, вскочила в избу, напилась-наелась, вышла на двор, катается-валяется и приговаривает: «Покатаюсь я, поваляюсь я, Терёшечкиного мяса наевшись!» А он ей с дуба кричит: «Покатайся, поваляйся, ведьма, своей дочери мяса наевшись!» Услышала она, подняла голову, раскинула глаза на все стороны — нет никого! Опять затянула: «Покатаюсь я, поваляюсь я, Терёшечкиного мяса наевшись!» А он отвечает: «Покатайся, поваляйся, ведьма, своей дочери мяса наевшись!» Испугалась она, глянула и увидела его на высоком дубу. Вскочила, бросилась к кузнецу: «Кузнец, кузнец! Скуй мне топорок». Сковал кузнец топорок и говорит: «Не руби же ты остриём, а руби обухом». Послушалась, стучала-стучала, рубила-рубилa, ничего не сделала. Припала к дереву, впилась в него зубами, дерево затрещало.

По небу летят гуси-лебеди. Терёшечка видит беду, видит гусей-лебедей, взмолился им, стал их упрашивать:

Гуси-лебеди, возьмите меня,
Посадите меня на крылышки,
Донесите меня к отцу, к матери;
Там вас накормят-напоят.

А гуси-лебеди отвечают: «Ка-га! Вон летит другое стадо, поголоднее нас, оно тебя возьмёт, донесёт». А ведьма грызёт, только щепки летят, а дуб трещит да шатается. Летит другое стадо. Терёшечка опять кричит: «Гуси-лебеди! Возьмите меня, посадите меня на крылышки, донесите меня к отцу, к матери; там вас накормят-напоят». — «Ка-га! — отвечают гуси. — За нами летит защипанный гусенёк, он тебя возьмёт, донесёт». Гусенёк не летит, а дерево трещит да шатается. Ведьма погрызёт-погрызёт, взглянет на Терёшечку — оближется и опять примется за дело; вот-вот к ней свалится!

По счастью, летит защипанный гусенёк, крылышками махает, а Терёшечка-то его просит, убажает: «Гусь-лебедь ты мой, возьми меня, посади меня на крылышки, донеси меня к отцу, к матери; там тебя накормят-напоят и чистой водицей обмоют». Сжалился защипанный гусенёк, подставил Терёшечке крылышки, вострепнулся и полетел вместе с ним. Подлетели к окошечку родимого батюшки, сели на травке. А старушка напекла блинов, созвала гостей, поминает Терёшечку и говорит: «Это тебе, гостёк, это тебе, старичок, а это мне блинок!» А Терёшечка под окном отзывается: «А мне?» — «Погляди-ка, старичок, кто там просит блинок?» Старик вышел,

увидел Терёшечку, обхватил его, привёл к матери — пошло обниманье! А защипанного гусенька откормили, напоили, на волю пустили, и стал он с тех пор широко крыльями махать, впереди всех летать да Терёшечку вспоминать.

ХИТРАЯ НАУКА

Жили себе дед да баба, был у них сын. Старик-то был бедный; хотелось ему отдать сына в науку, чтоб смолоду был родителям своим на утеху, под старость на перемену, а по смерти на помин души, да что станешь делать, коли достатку нет! Водил он его, водил по городам — авось возьмёт кто в ученье; нет, никто не взялся учить без денег.

Воротился старик домой, поплакал-поплакал с бабою, потужил-погоревал о своей бедности и опять повёл сына в город. Только пришли они в город, попадается им навстречу человек и спрашивает деда:

— Что, старичок, пригорюнился?

— Как мне не пригорюниться! — сказал дед. — Вот водил, водил сына, никто не берет без денег в науку, а денег нетути!

— Ну так отдай его мне, — говорит встречный, — я его в три года выучу всем хитростям. А через три года, в этот самый день, в этот самый час, приходи за сыном; да смотри: коли не просрочишь — придёшь вовремя да узнаешь своего сына, — возьмёшь его назад; а коли нет, так оставаться ему у меня.

Дед так обрадовался и не спросил: кто такой встречный, где живёт и чему учить станет малого? Отдал ему сына и пошёл домой. При-

шёл домой в радости, рассказал обо всем бабе; а встречный-то был колдун.

Вот прошли три года, а старик совсем позабыл, в какой день отдал сына в науку, и не знает, как ему быть. А сын за день до срока прилетел к нему малою птичкою, хлопнулся о завалинку и вошёл в избу добрым молодцем, поклонился отцу и говорит: завтра-де сравняется как раз три года, надо за ним приходить; и рассказал, куда за ним приходить и как его узнавать.

— У хозяина моего не я один в науке; есть, — говорит, — еще одиннадцать работников, навсегда при нём остались — оттого, что родители не смогли их признать; и только ты меня не признаешь, так и я останусь при нём двенадцатым. Завтра, как придёшь ты за мною, хозяин всех нас двенадцать выпустит белыми голубями — перо в перо, хвост в хвост и голова в голову ровны. Вот ты и смотри: все высоко станут летать, а я нет-нет да возьму повыше всех. Хозяин спросит: узнал ли своего сына? Ты и покажь на того голубя, что повыше всех.

После выведет он к тебе двенадцать жеребцов — все одной масти, гривы на одну сторону и собой ровны; как станешь проходить мимо тех жеребцов, хорошенько примечай: я нет-нет да правой ногою и топну. Хозяин опять спросит: узнал своего сына? Ты смело показывай на меня.

После того выведет к тебе двенадцать добрых молодцев — рост в рост, волос в волос, голос в голос, все на одно лицо и одежей ровны. Как станешь проходить мимо тех молодцев, примечай-ка: на правую щеку ко мне нет-

нет да и сядет малая мушка. Хозяин опять-таки спросит: узнал ли своего сына? Ты и покажь на меня.

Рассказал всё это, распростился с отцом и пошёл из дому, хлопнулся о завалинку, сделался птичкою и улетел к хозяину.

Поутру дед встал, собрался и пошёл за сыном. Приходит к колдуну.

— Ну, старик, — говорит колдун, — выучил твоего сына всем хитростям. Только, если не признаешь его, оставаться ему при мне на веки вечные.

После того выпустил он двенадцать белых голубей — перо в перо, хвост в хвост, голова в голову ровны, и говорит:

— Узнавай, старик, своего сына!

Как узнавать-то, ишь все ровны! Смотрел, смотрел, да как поднялся один голубь повыше всех, указал на того голубя:

— Кажись, это мой!

— Узнал, узнал, дедушка! — сказывает колдун.

В другой раз выпустил он двенадцать жеребцов — все, как один, и гривы на одну сторону.

Стал дед ходить вокруг жеребцов да приглядываться, а хозяин спрашивает:

— Ну что, дедушка! Узнал своего сына?

— Нет еще, погоди маленько.

Да как увидал, что один жеребец топнул правую ногу, сейчас показал на него:

— Кажись, это мой!

— Узнал, узнал, дедушка!

В третий раз вышли двенадцать добрых молодцев — рост в рост, волос в волос, голос в голос, все на одно лицо, словно одна мать родила.

Дед раз прошёл мимо молодцев — ничего не заприметил, в другой прошёл — тож ничего, а как проходил в третий раз — увидал у одного молодца на правой щеке муху и говорит:

— Кажись, это мой!

— Узнал, узнал, дедушка!

Вот делать нечего, отдал колдун старику сына, и пошли они себе домой.

Шли, шли и видят: едет по дороге какой-то барин.

— Батюшка, — говорит сын, — я сейчас сделаюсь собачкою; барин станет покупать меня, ты меня-то продай, а ошейника не продавай; не то я к тебе назад не ворочусь!

Сказал так-то да в ту ж минуту ударился оземь и оборотился собачкою.

Барин увидал, что старик ведет собачку, зачал ее торговать: не так ему собачка показалась, как ошейник хорош. Барин дает за нее сто рублей, а дед просит триста; торговались, торговались, и купил барин собачку за двести рублей.

Только стал было дед снимать ошейник — куда! — барин и слышать про то не хочет, упирается.

— Я ошейника не продавал, — говорит дед, — я продал одну собачку.

А барин:

— Нет, врешь! Кто купил собачку, тот купил и ошейник.

Дед подумал-подумал (ведь и впрямь без ошейника нельзя купить собаку!) и отдал её с ошейником.

Барин взял и посадил собачку к себе, а дед забрал деньги и пошёл домой.

Вот барин едет себе да едет, вдруг — откуда ни возьмись — бежит навстречу заяц.

— Что, — думает барин, — али выпустить собачку за зайцем да посмотреть её прыти?

Только выпустил, смотрит: заяц бежит в одну сторону, собака в другую — и убежала в лес.

Ждал, ждал её барин, не дождался и поехал ни при чём.

А собачка оборотилась добрым молодцем.

Дед идет дорогою, идет широкою и думает: как домой глаза-то показать, как старухе сказать, куда сына девал? А сын уж нагнал его.

— Эх, батюшка! — говорит. — Зачем с ошейником продавал? Ну, не повстречай мы зайца, я б не воротился, так бы и пропал ни за что!

Воротились они домой и живут себе помаленьку. Много ли, мало ли прошло времени, в одно воскресенье говорит сын отцу:

— Батюшка, я обернусь птичкою, понеси меня на базар и продай; только клетки не продавай, не то домой не ворочусь.

Ударился оземь, сделался птичкою, старик посадил её в клетку и понёс продавать.

Обступили старика люди, наперебой начали торговать птичку: так она всем показалася!

Пришёл и колдун, тотчас признал деда и догадался, что у него за птица в клетке сидит. Тот даёт дорого, другой даёт дорого, а он дороже всех; продал ему старик птичку, а клетки не отдаёт; колдун туда-сюда, бился с ним, бился, ничего не берёт!

Взял одну птичку, завернул в платок и понёс домой.

— Ну, дочка, — говорит дома, — я купил нашего шельмеца!

— Где же он?

Колдун распахнул платок, а птички давно нет — улетела, сердешная!

Настал опять воскресный день. Говорит сын отцу:

— Батюшка! Я обернусь нынче лошадю; смотри же, лошадь продавай, а уздечки не моги продавать; не то домой не ворочусь.

Хлопнулся о сырую землю и сделался лошадю; повел её дед на базар продавать.

Обступили старика торговые люди, всё барышники: тот даёт дорого, другой даёт дорого, а колдун дороже всех.

Дед продал ему сына, а уздечки не отдает.

— Да как же я поведу лошадь-то? — спрашивает колдун. — Дай хоть до двора довести, а там, пожалуй, бери свою узду: мне она не в корысть!

Тут все барышники на деда накинулись: так-де не водится! Продав лошадь — продал и узду. Что с ними поделаешь? Отдал дед уздечку.

Колдун привёл коня на свой двор, поставил в конюшню, накрепко привязал к кольцу и высоко притянул ему голову: стоит конь на одних задних ногах, передние до земли не хватают.

— Ну, дочка, — рассказывает опять колдун, — вот когда купил, так купил нашего шельмеца.

— Где же он?

— На конюшне стоит.

Дочь побежала посмотреть; жалко ей стало добра молодца, захотела подлинней отпустить повод, стала распутывать да развязывать, а конь тем временем вырвался и пошёл вёрсты отсчитывать.

Бросилась дочь к отцу.

— Батюшка, — говорит, — прости! Грех меня попутал, конь убежал!

Колдун хлопнулся о сырую землю, сделался серым волком и пустился в погоню: вот близко, вот нагонит!

Конь прибежал к реке, ударился оземь, оборотился ершом и бултых в воду, а волк за ним щукою.

Ёрш бежал, бежал водою, добрался к плотам, где красные девицы белье моют, перекинулся золотым кольцом и подкатился купеческой дочери под ноги.

Купеческая дочь подхватила колечко и спрятала. А колдун сделался по-прежнему человеком.

— Отдай, — пристаёт к ней, — мое золотое кольцо.

— Бери! — говорит девица и бросила кольцо наземь.

Как ударилось оно, в ту ж минуту рассыпалось мелкими зёрнами. Колдун обернулся петухом и бросился клевать; пока клевал — одно зерно обернулось ястребом, и плохо пришлось петуху: задрал его ястреб!

Тем сказке конец, а мне водочки корец.

БЫЛИНЫ

САДКО

Во славном во Нове-граде
Как был Садкэ-купец богатый гость.
А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гуселки яровчаты;
По пирам ходил-играл Садке.
Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир.
По том Садке соскучился.
Как пошёл Садке к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Тут-то Садке перепался,
Пошёл прочь от озера во свой во Новгород.
Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир.
По том Садке соскучился.
Как пошёл Садке к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Тут-то Садке перепался,

Пошёл прочь от озера во свой во Новгород.
Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир.
По том Садке соскучился.
Как пошёл Садке к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Показался царь морской,
Вышел со Ильменя со озера,
Сам говорил таковы слова:
«Ай же ты, Садке Новгородский!
Не знаю, чем буде тебя пожаловать
За твои за утехи за великия,
За твою-то игру нежную.
Аль бессчетной золотой казной?
А не то ступай во Новгород
И ударь о велик заклад,
Заложи свою буйну голову,
И выряжай с прочих купцов
Лавки товара красного,
И спорь, что в Ильмень-озере
Есть рыба — золоты перья.
Как ударишь о велик заклад,
И поди — свяжи шелковой невод,
И приезжай ловить в Ильмень-озеро:
Дам три рыбины — золоты перья.
Тогда ты, Садке, счастлив будешь».
Пошёл Садке от Ильменя от озера.
Как приходил Садке во свой во Новгород,
Позвали Садке на почестен пир.
Как тут Садке Новгородский
Стал играть в гуселки яровчаты;
Как тут стали Садке попаивать,

Стали Садку поднашивать,
Как тут-то Садке стал похвастывать:
«Ай же вы, купцы новгородские!
Как знаю чудо чудное в Ильмень-озере:
А есть рыба — золоты перья
в Ильмень-озере».

Как тут-то купцы новгородские
Говорят ему таковы слова:
«Не знаешь ты чуда чудного,
Не может быть в Ильмень-озере рыбы —
золоты перья».

«Ай же вы, купцы новгородские!
О чём же бьёте со мной о велик заклад?

Ударим-ка о велик заклад:
Я заложу свою буйну голову,
А вы залагайте лавки товара красного».
Три купца повыкинулись,
Заложили по три лавки товара красного.
Как тут-то связали невод шелковый
И поехали ловить в Ильмень-озеро.
Закинули тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли рыбку — золоты перья;
Закинули другую тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли другую рыбку — золоты перья;
Третью закинули тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли третью рыбку — золоты перья.
Тут купцы новгородские
Отдали по три лавки товара красного.
Стал Садке поторговывать,
Стал получать барыши великие,
Во своих палатах белокаменных
Устроил Садке всё по-небесному:
На небе солнце, и в палатах солнце,
На небе месяц, и в палатах месяц,

На небе звёзды, и в палатах звёзды.
Потом Садке-купец богатый гость
Зазвал к себе на почестен пир
Тых мужиков новгородских
И тых настоятелей новгородских:
Фому Назарьева и Луку Зиновьева.
Все на пиру наедались,
Все на пиру напивались,
Похвальбами все похвалялись:
Иный хвастает бесщётной золотой казной,
Другой хвастает силой-удачей молодецкою,
Который хвастает добрым конем,
Который хвастает славным отечеством,
Славным отечеством, молодым
молодечеством.

Умный хвастает старым батюшкой,
Безумный хвастает молодой женой.
Говорят настоятели новгородские:
«Все мы на пиру наедались,
Все на почестном напивались,
Похвальбами все похвалялись.
Что же у нас Садке ничем не похвастает,
Что у нас Садке ничем не похваляется?»
Говорит Садке-купец богатый гость:
«А чем мне, Садку, хвастаться,
Чем мне, Садку, похвалятся?
У меня ль золота казна не тощится,
Цветно платьице не носится,
Дружина хоробра не изменяется.
А похвастать не похвастать бесщётной
золотой казной:

На свою бесщётну золоту казну
Повыкуплю товары новгородские,
Худые товары и добрые!»
Не успел он слова вымолвить,

Как настоятели новгородские
Ударили о велик заклад,
О бесщётной золотой казны,
О денежках тридцати тысячах:
Как повыкупить Садку товары новгородские,
Худые товары и добрые,
Чтоб в Нове-граде товаров в продаже боле
не было.

Ставал Садке на дру́гой день раным-рано́,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счёта давал золотой казны
И распущал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шёл в гостиный ряд,
Как повыкупил товары новгородские,
Худые товары и добрые
На свою бесщётну золоту казну.

На дру́гой день ставал Садке раным-рано́,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счёта давал золотой казны
И распущал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шёл в гостиный ряд:
Вдвойне товаров привезено,
Вдвойне товаров принаполнено
На тую на славу на великую новгородскую.
Опять выкупал товары новгородские,
Худые товары и добрые
На свою бесщётну золоту казну.

На третий день ставал Садке раным-рано́,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счёта давал золотой казны
И распущал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шёл в гостиный ряд:
Втройне товаров привезено,
Втройне товаров принаполнено,

Подоспели товары московские
 На ту на великую на славу новгородскую.
 Как тут Садке пораздумался:
 «Не выкупить товара со всего бела света:
 Още повыкуплю товары московские,
 Подоспеют товары заморские.
 Не я, видно, купец богат новгородский —
 Побогаче меня славный Новгород».
 Отдавал он настоятелям новгородским
 Денежек он тридцать тысячей.
 На свою бесщётну золоту казну
 Построил Садке тридцать кораблей,
 Тридцать кораблей, тридцать черлёных;
 На ты на корабли на черлёные
 Свалил товары новгородские.
 Поехал Садке по Волхову,
 Со Волхова во Ладожско,
 А со Ладожска во Неву-реку,
 А со Невы-реки во сине море.
 Как поехал он по синю морю,
 Воротил он в Золоту Орду,
 Продавал товары новгородские,
 Получал барыши великие,
 Насыпал бочки сороковки красна золота,
чиста серебра.

Поезжал назад во Новгород,
 Поезжал он по синю морю.
 На синем море сходилась погода сильная,
 Застоялись черлёны корабли на синём
море:

А волной-то бьёт, паруса рвёт,
 Ломает кораблики черлёные;
 А корабли нейдут с места на синем море.
 Говорит Садке-купец богатый гость
 Ко своей дружине ко хоробрыя:

«Ай же ты, дружинушка хоробрая!
Как мы век по морю ездили,
А морскому царю дани не плачивали:
Видно, царь морской от нас дани требует,
Требует дани во сине море.
Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Взимайте бочку сороковку чиста серебра,
Спускайте бочку во сине море».
Дружина его хоробрая
Взимала бочку чиста серебра.
Спускали бочку во сине море:
А волной-то бьёт, паруса рвёт,
Ломает кораблики черлёные;
А корабли нейдут с места на синем море.
Тут его дружина хоробрая
Брала бочку сороковку красна золота,
Спускали бочку во сине море:
А волной-то бьёт, паруса рвёт,
Ломает кораблики черлёные;
А корабли все нейдут с места на синем
море.

Говорит Садке-купец богатый гость:
«Видно, царь морской требует
Живой головы во сине море.
Делайте, братцы, жеребья вольжаны,
Я сам сделаю на красном на золоте,
Всяк свои имена подписывайте,
Спускайте жеребья на сине море:
Чей жеребей ко дну пойдет,
Таковому идти в сине море».
Делали жеребья вольжаны,
А сам Садке делал на красном на золоте,
Всяк свое имя подписывал,
Спускали жеребья на сине море:

Как у всей дружины хоробрья
Жеребья гоголем по воды пловут,
А у Садка-купца ключом на дно.
Говорит Садке-купец богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрья!
Этыя жеребья неправильны:
Делайте жеребья на красном на золоте,
А я сделаю жеребий вольжаний».
Делали жеребья на красном на золоте,
А сам Садке делал жеребей вольжаний,
Всяк свое имя подписывал,
Спускали жеребья на сине море:
Как у всей дружины хоробрья
Жеребья гоголем по воды пловут,
А у Садка-купца ключом на дно.
Говорит Садке-купец богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрья!
Видно, царь морской требует
Самого Садка богатого в сине море.
Несите мою чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, лист бумаги (гербовый)».
Несли ему чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, лист бумаги (гербовый).
Он стал именице отписывать:
Кое именье отписывал Божьим церквам,
Иное именье нищей братии,
Иное именье молодой жены,
Остатнее именье — дружине хоробрья.
Говорил Садке-купец богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрья!
Давайте мне гуселки яровчаты,
Поиграть-то мне в остатнее:
Больше мне в гуселки не игрывати.
Али взять мне гусли с собой во сине море?»
Взимает он гуселки яровчаты,